

УДК 82–14

*О.С. Мальчугина***ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЕ В КНИГЕ ДМИТРИЯ ГОЛЫНКО-ВОЛЬФСОНА «ДИРЕКТОРИЯ»
(СЕРИЯ «ТРИДЦАТИЛЕТНИЕ»)**

Статья посвящена проблеме интерпретации экзистенциальных понятий жизни и смерти, а также категории времени в творчестве современного петербургского поэта Дмитрия Голынка-Вольфсона. Материалом исследования послужили стихотворения книги «Директория», входящей в серию «Тридцатилетние», выпущенную под редакцией Д. Кузьмина. В статье показано, что категория времени и экзистенциальное у Дмитрия Голынка-Вольфсона выражается преимущественно с помощью времени «культурного». Устанавливается, что автор апеллирует в основном к античной и христианской мифологии, сочетая литературные и исторические образы, создавая тем самым особое вневременное пространство. Выявляется, что такое наложение культур и образов подчинено общему мотиву бесконечного трагического маскарада. Анализ книги продолжает рассмотрение выражения категорий времени и возраста у авторов серии «Тридцатилетние».

Ключевые слова: Дмитрий Голынка-Вольфсон; «Директория»; Дмитрий Кузьмин, серия «Тридцатилетние»; экзистенциальное; категория времени; «культурное время».

В данной работе мы продолжаем исследование серии «Тридцатилетние», изданной Дмитрием Кузьминым, главным редактором издательства «АРГО-РИСК», в 1998–2001 годах. До этого нами были исследованы две поэтические книги данной серии – Олега Рогова и Александра Скидана. Целью нашей работы является рассмотрение особенностей выражения аспектов времени и возраста у данных авторов. Книга Дмитрия Голынка-Вольфсона «Директория», изданная в 2001 году, является шестой в серии «Тридцатилетние».

Дмитрий Голынка-Вольфсон окончил факультет русского языка и литературы Российского государственного педагогического университета имени Герцена, защитил кандидатскую диссертацию по искусствоведению, является научным сотрудником Российского института истории искусств в Санкт-Петербурге. Он – член редакционного совета «Художественного журнала» (Москва), автор многих критических и научных статей по современному искусству и литературе в «Художественном журнале», журналах «Новое литературное обозрение», «Новая русская книга», «Сеанс» и др., куратор сетевого проекта «Литературная промзона», автор книг стихов «Homo scribens» (1994), «Директория» (2001), «Бетонные голубки» (2003) [5].

Чтобы сделать анализ экзистенциальных тем в поэзии Д. Голынка-Вольфсона, охарактеризуем сначала его творчество в целом. Литературный критик Илья Кукулин пишет: «Одна из главных идей Голынка такова: воспоминания любовников о своем ушедшем или невозможном чувстве превращают весь мир в музей культуры. Причем музей этот может быть весьма живым и движущимся, всем вещам в нем присущ привкус виртуальности и игры, они то и дело во что-то превращаются. Одним из распорядителей этого музея – возможно, главным – является классическая литература (особенно русская), содержащая сколько угодно историй несчастной любви, с которыми можно отождествляться или не отождествляться. От этого многочисленные пародии на русскую классическую литературу в поэмах Голынка...» [4].

Экзистенциальное в творчестве Вольфсона занимает немаловажное место (уступая, пожалуй, только теме любви и взаимоотношений) и выражено в темах жизни и смерти.

Критики отмечают: «Персонажи стихотворений 1990-х, участники «модной», глянцевого и «эфемерной» жизни» [4]. И жизнь эта расписана во всех подробностях, на которые только способна ирония автора:

Мы всегдатаи здесь – меню наизусть знаем...
Провели нас по благу в Колонный зал – латифундию знати.
Поскользнувшись, моё кузено массивным кейсом
чуть не сбил на столике рядом фужеров кегли.
Нас лорнетировали сразу, и от конфуза
мы не замаяли – скорей, раздули скандала фузий.
Боливар с широкой тульей уронил я на двух левреток,
от грандамы в манто а la Тьеполо досталось мне на орехи. [2]

Это отрывок из поэмы «Сашенька, или Дневник эфемерной смерти». Тема смерти заявлена уже в самом заглавии поэмы, а также в содержании, где последние две главы получили названия «В аудиторию проникают террористы» и «Эфемерная смерть персонажей». То есть направление развития сюжета нам подсказано изначально. Даже смерть персонажей, как и было заявлено, действительно оказывается эфемерной:

В полминуты задали всему сабантую огнестрельного перца,
гендиректора АОЗТ «Ленинцест» убрали, как пешку,
мафиозных тузов и тенора Марио взяли на мушку,
уложили их в штабеля музейной коллекцией мумий.
Только менеджер Сильвио, обладая сокольничим глазомером,
из рогатки купца Калашникова отстреливался метко,
двух малют сбил дуплетом и на мрамор сибирский рухнул,
в зале Колонном осталось одно бланманже трупов. [2]

Примечательны словесные обороты: *убрали, как пешку* или *смахнули, как фишку* – походя, между делом, смерть приходит мгновенно и мимолетно для второстепенных персонажей. С главным героем поэмы дело обстоит немного иначе. Он вдруг заявляет читателю:

Как всегда не вовремя мнимая смерть мне протекцию оказала,
и своим патронажем напрочь мне спутала все карты... [2]

Смерть вдруг оказывается мнимой, что придает значению слова «эфемерная» несколько другой смысл, который подтверждается последними строками поэмы:

В газомёт я вставил кассету и разрядил обойму,
сквозь керамику дымохода пытался прорваться с боем.
По медиа-рации вызвали трубочистильщика на подмогу,
он прицелился из швабринга – **я раскинулся на подмостках
возле суфлёрской будки...** [2]

Оказывается, смерть была всего лишь игрой, а богемная жизнь – всего лишь бутафория, театр.

Еще одна поэма, включенная в книгу под названием «Повесть о Стамбульской казначейше», подтверждает данную мысль:

Торопясь на ланч в мотель "Холи **Мортус**",
на полном спланировал с эстакады
и врезался в пламя бензоколонки.
Мы, саламандры, отделались малым:
контуженные взрывной волною,
с неделю промаялись в лазарете.
Моя казначейша сломала пальчик... [2]

В этом эпизоде пародируется извечный парадокс голливудских боевиков: сколь много бы взрывов, аварий и прочих превратностей жизни не случилось на пути героя, он выйдет из них без единой царапины. Герой Вольфсона иронично-пренебрежительно кидает читателю «простое» объяснение такого чуда «мы, саламандры» – мифические существа, огненные ящерки, которые в огне живут. И опять же смерть героев оказывается мнимой, несостоявшейся, несмотря на тот факт, что едут они в мотель под названием «Холи Мортус». Мортус – это могильщик. Получается, что абсурдная авария стала причиной того, что герои не доехали до места назначения, то есть не умерли.

Такое несерьезное отношение героев Вольфсона к жизни и смерти характерно для всех текстов данной книги и традиционно для мотива карнавала и маскарада. Показательна в этом отношении поэма под названием «Флорентийский поэм». Данный текст разделен на четыре части, каждая из которых посвящена одному из итальянских городов: Флоренции, Неаполю, Венеции, Ферраре. Завершает поэму небольшой эпилог под названием «Разгадка криптограммы» (криптограмма изображена сразу после заглавия поэмы и представляет собой круг, разделенный на четыре пронумерованные части), в котором автор дает «ключи» к лучшему пониманию произведения.

Первая часть поэмы «Флоренция» начинается строками:

В кругах Флоренции плутал я снова,
ведь память – ожидание былого.
И веерных раздумий взмёт
затеял прошлому досмотр
и *скорчил о кончине мира вральню*... [2]

В данном отрывке образ лирического героя сливается с образом Данте, который плутает в кругах Флоренции и сочиняет свою «Божественную комедию».

Мотив кругов ада или Дантовых кругов типичен для флорентийского мифа русской словесности. «Круг флорентийский – это не столько реальная пространственная форма Флоренции в русской литературе, сколько форма ее структуризации и семантизации. Причем свое начало этот символ берет в «Божественной комедии», у него – литературное происхождение» [3].

Заканчивается первая часть поэмы строками «Смертожизнь моя кружится каруселью / одиночеств». Мотив круга, как символа бессмертия традиционен для хроноса русской флорентины: «Флорентийский феномен времени представляется мифологическим в своей глубинной основе.<...> Мифическое время замкнуто, статично, а если и имеет какую-то динамику, то это всегда возвратное движение по кругу. <...> В результате первообраз Флоренции остается неизменным на протяжении веков... <...> Как в сказке, речь не идет о возвращении назад, речь идет об усвоении этого прошлого, о дополнительной интерпретации этого прошлого» [3]. В первой части «Разгадки криптограммы» Вольфсон рассуждает о времени, как о категории исторической: «Время – молчания оболочка, футляр палисандровый, / веер событий в нём разворочен...» [2], сравним «И веерных раздумий взмёт / затеял прошлому досмотр...» [2]. Перечисляя наиболее яркие события и личностей, олицетворяющих исторические эпохи Италии и Византии, Вольфсон использует в качестве заключительного строфы отрывок из стихотворения Блока «Венеция»:

Быть может, венециейской девы
Канцоной нежной слух плена,
Отец грядущий сквозь напевы
Уже предчувствует меня? [2]

Эти строки логически завершают мысль первой части криптограммы о развитии исторического времени и одновременно становятся второй частью криптограммы, соответствующей в поэме части «Неаполь». Здесь впервые появляется образ Нинетты, девушки из стихотворений Томаса Мура и Михаила Кузьмина «Венеция», отрывки из которых даны в «Разгадке криптограммы» и соответствуют третьей и четвертой части поэмы.

В «Венеции» Блока имя Нинетты не фигурирует, но благодаря полифонии трех отрывков, переосмысление образа девушки угадывается вполне однозначно. В «Венеции» Вольфсона постоянно упоминается ее имя, а далее следуют строки «От нее уходил я в море...» [2] (сравним с Блоковским «С ней уходил я в море...» [1. С. 308]). Строки из «Венеции» Кузьмина: «А Нинета в треуголке, / С вырезным, лимонным лифом...» – полифонически сочетаются со строками из поэмы Вольфсона: «барельефом вырезного лифа» [2] и «черной шалью» [2] - и строками из стихотворения А. Блока «Венеция»: «черным стеклярусом на темной шали» [1, с. 308].

Еще одним лейтмотивом поэмы, подсказанным в «Криптограмме», является карнавальный, пародийный образ Христа. Блоковское «Христос, уставший крест нести...» [1. С. 308] разворачивается у Вольфсона в полноценный маскарад. Нинетта вдруг заявляет герою Вольфсона, что он «Вылитый Христос... молодой, отъявленный кутила» [2] и добавляет «поправь-ка простынь». Смешение эротического и религиозного предстает новым пластом в понимании экзистенциальных образов автора. Герой, после такого заявления, вдруг вспоминает, кем он собственно является:

Спохватился – мне в пасьянсе карта
выпала воскреснуть послезавтра...
<...>
Чтоб озорничать, нужды не зная,
всё в начале марта заложил я,
а сегодня Пятница Страстная,
и воскреснуть в срок не хватит силы. [2]

То есть получается, что он не «вылитый Христос» (не просто похож), а Христом и является. И значит, сегодня должен умереть, но воскреснуть у него не хватит силы, потому что с начала марта (читай с начала Великого поста), заложил все нужные для воскрешения атрибуты, для того, чтобы «озорничать, нужды не зная» (грешить).

Превращение в бутафорию таких серьезных вещей, как религиозные каноны отсылает нас к мотиву трагического карнавала. Карнавальная мир героя обречен, потому что некому теперь взойти на крест за людей.

Самобытен образ Христа еще в одном отрывке данной поэмы. В части «Неаполь» автором приводится мистификация из якобы существующего анонимного трактата начала XVI в. «Инвективы против гуманистов», в котором говорится о девушке Парфении, которую обманул и бросил неаполитанский юноша (бросил ради нового любовника – древнегреческий мотив). Парфения не пережила предательства и выпила яд. Действие же самого отрывка поэмы переносит нас сразу в загробный мир, где Парфения оказывается после самоубийства:

В турецкой бане там распаренный престол,
на нём в безбрежной мантии
из ткани хорасанской

<...>

Сын человечесий учинял веселья суд

за созерцаньем баловства виол.

<...>

...уоставил опытный бинокль

на лиф просительницы, *жмурясь, как хомяк*.

В падучей *долгого дурачества* размяв

тугую дикцию, он заскрипел: **«Распят**

я, а иначе б изучил её до пят».

Жеманством сдобрил приговор: «Подвох

ему устроим – пусть зажмётся жох,

как в ада двоимирие Эней,

в калёный сочинительства тоннель,

пусть в канцонетгах чествует одну

слепую донну – неотвязную вину» [2].

Образ Христа, мягко говоря, нестандартен. Интересно также решение проблемы смерти. Самоубийцу не осуждают на муки, как того предписывает официальная версия, а наоборот, выносят приговор изменнику, который в самоубийстве повинен. Страдать тот будет, как Эней. Эней, как мы помним, оставил полюбившую его Дидону, и та с горя бросилась на меч. Правда, по древним мифам, Эней за это не страдал, потому что решение это принял по воле богов. И спускался он в царство мертвых затем, чтобы узнать славную судьбу своего народа, и вернулся оттуда невредимым.

К полифонии образов античных и христианских добавлены образы исторические и литературные. Достаточно вспомнить, что о странствиях Энея писал Вергилий, который был проводником Данте в Аду.

Проанализировав книгу Дмитрия Голышко-Вольфсона «Директория» на предмет экзистенциальных образов, мы пришли к выводу, что для автора принципиально осмысление категории времени именно в системе культурологического знания. Для выражения экзистенциальных понятий Вольфсон постоянно прибегает к категории «культурного времени» – «особому экзистенциальному опыту существования человека, где встречаются вечное и вневременное» [6].

Взаимопроникновение культур и образов в поэзии Голышко-Вольфсона (Византия, итальянский Ренессанс, Петербург, виртуальный мир) подчинено общему мотиву бесконечного трагического маскарада: «Местом такого карнавала может стать для него почти любое место на карте, и не только, например, Венеция, давно и многосторонне соотносимая с Петербургом, но и любое другое. Происходит это потому, что традиция петербургского маскарада демонстрируется в текстах Голышко как неединственная, одна из многих традиций “масочного” восприятия мира» [4].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Блок А.А. Предчувствую Тебя: стихотворения. – М.: Эксмо, 2010. 416 с.
2. Голынка-Вольфсон Дмитрий ДИРЕКТОРИЯ // Стихи. М.: АРГО-РИСК; Тверь: KOLONNA Publications, 2001. Серия «Тридцатилетние», вып. 6. URL: <http://www.vavilon.ru/texts/golynko1.html> (дата обращения: 05.05.2017).
3. Гребнева М.П. Концептосфера флорентийского мифа в русской словесности: дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2009. URL: <http://diss.seluk.ru/av-filologiya/2740-1-konceptosfera-florentiyskogo-mifa-russkoy-slovesnosti.php> (дата обращения: 05.05.2017)
4. Кукулин И. Исчезновение спектакля. URL: <http://www.vavilon.ru/texts/kukulin2.html> (дата обращения: 05.05.2017).
5. Новая литературная карта России. URL: http://www.litkarta.ru/russia/spb/persons/golynko-volfson-d/view_print/ (дата обращения: 05.05.2017)
6. Черниева З.Л. Экзистенциальное время и культура: дис. ... канд. культурол. Наук. Екатеринбург, 2004. 150 с. URL: <http://www.dslib.net/teorja-kultury/jekzistencialnoe-vremja-i-kultura.html> (дата обращения: 05.05.2017)

Поступила в редакцию 03.07.17

O.S. Malchugina

**EXISTENTIAL CONCEPTS IN DMITRY GOLYNKO-WOLFSON'S BOOK "DIRECTORY"
(A SERIES "THIRTY-YEAR-OLD")**

The article is devoted to a problem of interpretation of existential concepts of life and death and also a category of time in works of a modern St. Petersburg poet Dmitry Golyenko-Wolfson. Poems of the book "Directory" entering the series "Thirty-year-old" which was released under D. Kuzmin's edition served as material of a research. The article shows that the category of time and the existential in Dmitry Golyenko-Wolfson's works is expressed by means of "cultural" time. It's stated that the writer generally appeals to antique and Christian mythology. By the way he combines literary and historical images, and creates special timeless space. Such imposing of cultures and images obeys a general motive of an infinite tragic masquerade. The analysis of the book continues the examination of expressing the categories of time and age by the authors of the series "Thirty-year-old".

Keywords: Dmitry Golyenko-Wolfson; "Directory"; Dmitry Kuzmin, series "Thirty-year-old"; Existential; Category of time; "Cultural time".

Мальчугина Ольга Сергеевна, соискатель
Смоленский государственный университет
214000, Россия, г. Смоленск, ул. Пржевальского, 4
E-mail: malchugina_59@mail.ru

Malchugina O.S., applicant
Smolensk State University
Przheval'skogo st., 4, Smolensk, Russia, 214000
E-mail: malchugina_59@mail.ru